

Люди советского искусства

Главный режиссёр

Народный артист СССР
лауреат Ленинской
и Государственных премий
Г. А. Товстоногов.

Больше двадцати лет назад он давал мне одно из первых в его жизни интервью. Повод был праздничным: за постановку пьесы Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия» режиссёр Георгий Товстоногов был удостоен Ленинской премии.

Он вошёл в кабинет — энергичный, элегантный.

— Ну-с, — иронически блеснул глазами за стёклами очков. — Будем считать, что я знаменит... О чём пойдёт речь?

Он всегда говорит о себе с юмором.

Начинал Георгий Товстоногов актёром в Тбилиси (столица Грузии, где он вырос; его мать грузинка), потом учился в Государственном институте театрального ис-

кусства в Москве, потом ставил спектакли в Тбилиси и других городах. Тридцатичетырёхлетним и почти безвестным приехал в Ленинград. Слава явно не торопилась...

Но, придя, она оказалась Славой. Не популярностью, не модой. «Мода в искусстве, — скажет он позднее, — самое презираемое явление. Она лишь внешне обозначает дорогие нам понятия». Товстоногов же точно знал, какие понятия дороги, и видел в них смысл своей работы и жизни.

В том первом интервью и в десятке других впоследствии мы говорили об этом.

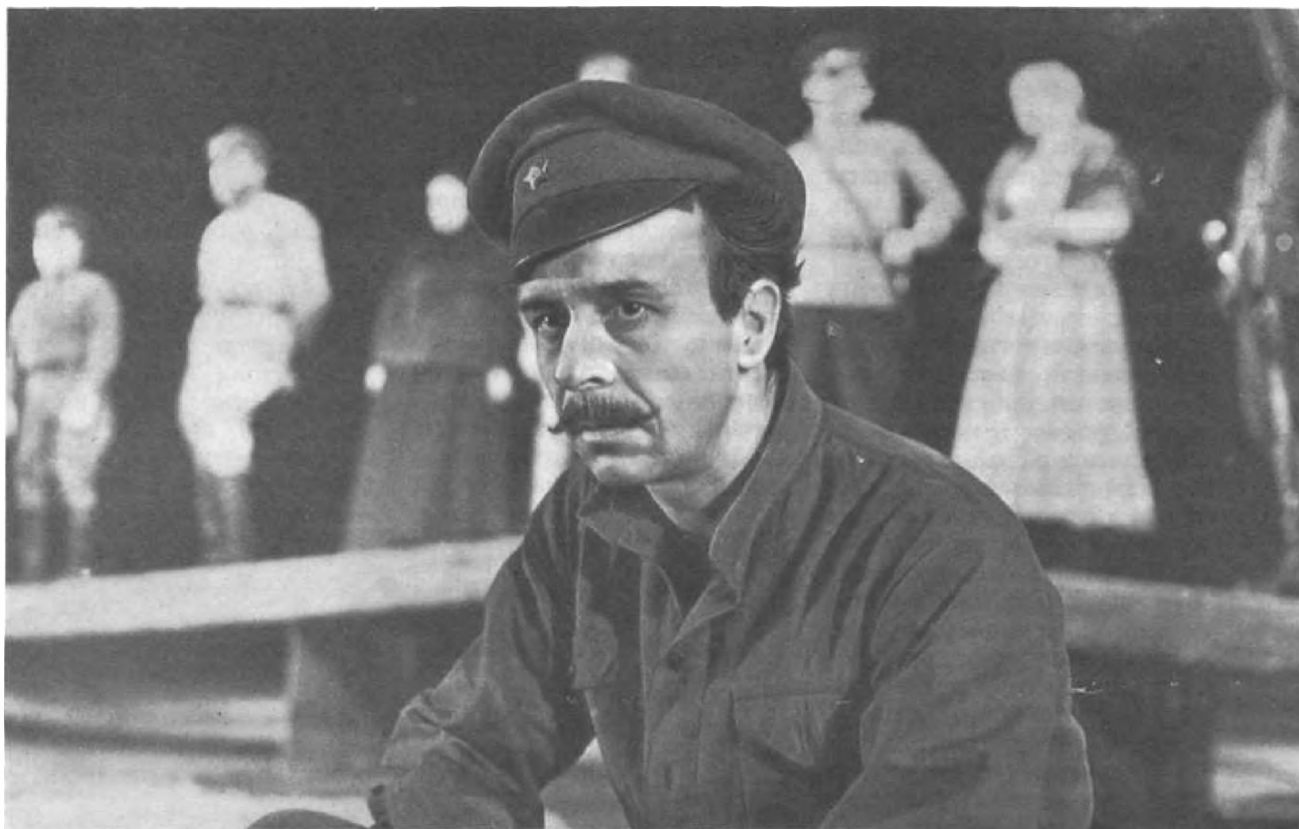
«Искусство — пропаганда в высшем смысле слова»

— Но без этого высшего смысла, — добавляет Товстоногов, — нет искусства. Оно не может ограничиваться выполнением чисто познавательных популяризаторских функций и подменять глубинное, философское осмысление жизни инструкцией или прописной моралью. Искусство — не художественный постскрипtum к событиям. Тот или иной отрезок жизни возникает на сцене для того, чтобы разбудить воображение зрителей, заставить их задуматься над правотой собственного бытия.

Он никогда не утверждает того, чего не делает сам.

В тот год, когда к нему пришло признание, Товстоногов совершает шаг неожиданный и мужественный. Он оставляет вполне преуспевающую труппу, которой руководит, и соглашается возглавить Ленинградский Большой драматический театр имени Максима Горького. Этот первенец советского сценического искусства, «театр классической трагедии, героической драмы и высокой комедии», родился в разгар гражданской войны — в 1919 году, и жизнь в него вдохнули такие гиганты

русской культуры, как писатель Максим Горький, поэт Александр Блок, сподвижник Ленина Анатолий Луначарский¹. Даже в 1919-м огромный неотопливаемый театральный зал всегда был полон. Рабочие, солдаты, матросы прямо со спектаклей (здесь играли Шиллера, Шекспира, Гюго) уходили на фронт, защищать советскую власть... Но в 50-е годы театр переживал кризис. Зрители, казалось, забыли сюда дорогу.

Товстоногов верил в традиции коллектива. Он знал, чего хочет в искусстве. Масштаб его таланта, масштаб личности, его гражданский темперамент и стали тем «ускорителем», который привёл в действие скрытые творческие возможности «остывшей» труппы. И сюда пришло чудо возрождения. Двадцать второй сезон подряд в театре (его и называть стали «товстоно-

говским») — всегда аншлаг. Независимо от того, играет ли труппа в Ленинграде, выступает ли на гастролях в городах СССР или за рубежом. Ей аплодировали двенадцать столиц Европы. «Покидаешь театр с ярким ощущением счастья» («Хельсингин санамат», Финляндия), «глубоко захватывающий театр» («Дагенс Ньюхетер», Швеция) — вот только два отзыва об осенних гастролях.

«в каждом спектакле я решаю одну и ту же проблему — проблему современности»

Может быть, это — настойчивая, как заклинание, — мысль Товстоногова поможет объяснить феномен долголетнего и повседневного успеха его труппы?

Он убеждён:

— Настоящее искусство всегда несёт в себе гул времени.

Сцена из спектакля «Тихий Дон».

Художник не может заслониться от жизни: ведь он её собственный орган восприятия, к нему стекаются боль и радость мира. Ему не дано быть бесстрастным и беспристрастным. Равнодушный талант бесплоден...

И — более конкретно — о себе:

— Я должен знать: ради чего зритель идёт сегодня в театр, ответа на какие вопросы ищет в искусстве. Я никогда не выбираю пьесы, не поняв — зачем *сегодня* она нужна сегодняшнему зрителю. Потому что, будь это произведение классики или сочинение только что созданное, оно мертво

вне обращения к реальным чувствам ныне живущего человека. Здесь нужно быть очень честным по отношению к себе и своему труду. И если то, что тебя, художника, волнует, совпадает с тем, чем живёт твоя страна, мир, можно надеяться на внимание зрителя. Другого пути нет.

Он поставил больше сотни спектаклей. В сегодняшнем репертуаре его театра — около двадцати пьес, которым Товстоногов дал сценическую жизнь. Впрочем, не будь это обозначено на афише, мало-мальски опытный театрал сам узнает «почерк» Товстоногова в каждой постановке. Несмотря на то, что есть среди них камерные и масштабные; есть решённые со всей доступной современному театру условностью и, напротив, строго-традиционные; есть, наконец, произведения классики и работы, едва вышедшие из-под пера драматургов. Товстоногов узнаваем везде. Он никогда не бывает приземлённым, бытовым, как не бывает и хмуро-многозначительным. Он не показывает «сюжеты из жизни» — но каким-то непостижимым образом вовлекает в круг глубоких размышлений о жизни в целом. О жизни и о человеке в ней. Он не льстит зрителю в этом разговоре, не заигрывает с ним. Он требует от него серьёзной, нелёгкой душевной работы.

Почему же мы, вечно спешащие, торопливые люди делового века, так мгновенно и так доверчиво отдаёмся ему во власть?

Когда на сцене любит, ненавидит, страдает человек, мера нашего сочувствия зависит не только от искренности и таланта артиста, но и от того, насколько другой человек — я — узнаю себя в нём. В конечном итоге любой спектакль (как и всякое произведение подлинного искусства) всегда «про меня» — рассказывают ли мне историю вене-

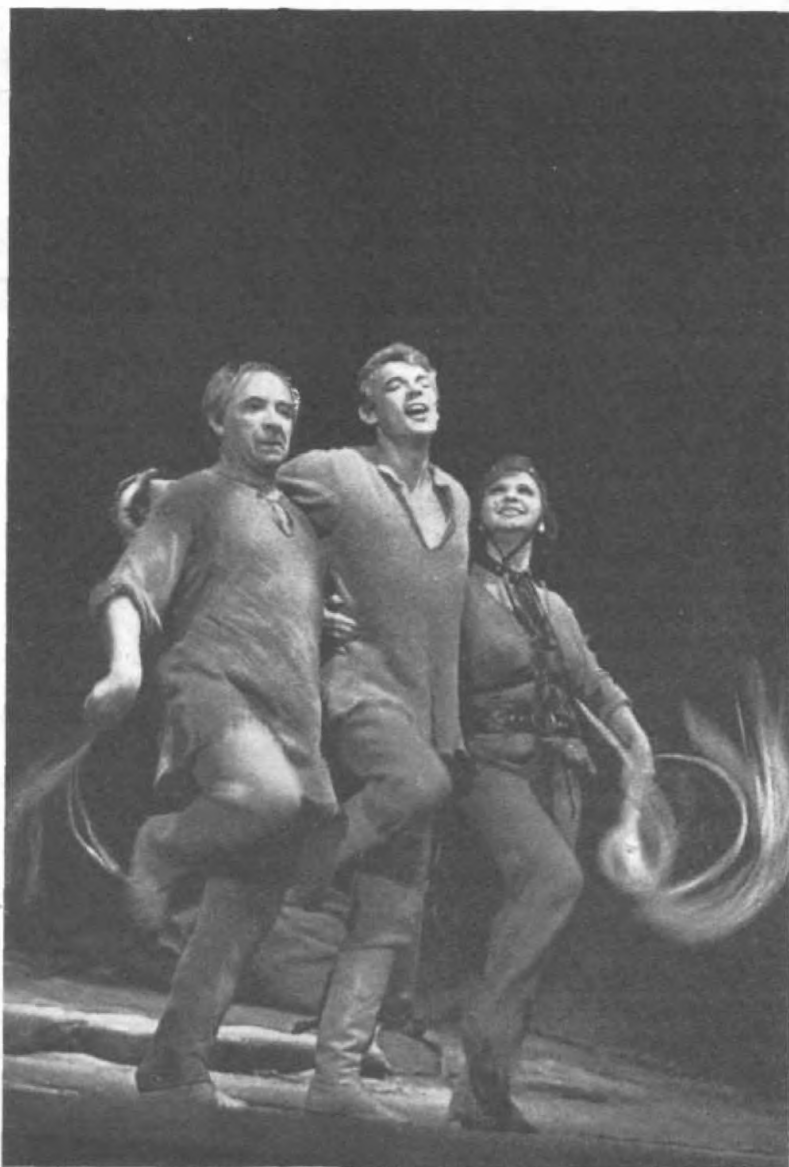
цианского мавра, чеховских трёх сестёр или колхозника из сибирского села.

— И вот мы смотрим спектакль по пьесе М. Горького «Мещане». На сцене — шумный и безнадежно унылый дом Бессёменова, жизнь провинциальной семьи в захолустном городке предреволюционной России, такая страшная, такая достоверная...

Но в том-то и дело, что спектакль не только о семье мещанина Бессёменова. Препарируя мещанство — это «проклятье мира» (так назвал его Горький), театр ведёт

мою мысль дальше. Не могу не думать о том, что слепая преданность изжившим себя понятиям — тоже философия мещанина. И бездуховность, и потребительство, и самодовольство. Усложняются фор-

Сцена из спектакля «История лошади».

мы мещанства — суть остаётся неизменной — для обывателей всех времён...

Смесь, озорничая, импровизируя, театр вовлекает меня, зрителя, в нравственный суд над «рыцарями длинного рубля²» (пьеса Василия Шукшина «Энергичные люди»). Это спектакль-фельетон, изобретательный и остроумный. И я ухожу из театра, став непримиримее и зорче.

Товстоногов показывает «Тихий Дон», инсценировку эпопеи Михаила Шолохова, классику советской литературы. В 1978 году за этот спектакль Товстоногов был удостоен Государственной премии. Каждый из нас знаком с героем романа Григорием Мелеховым, трагически заблудившимся на дорогах гражданской войны. Но и он, выписанный рукой великого романиста, на сцене открывает зрителю новые глубины характера: «крестьянский Гамлет», он должен, как всякий человек, выбрать свое место по ту или другую сторону баррикад. Иначе — предаёшь себя.

Последний по времени спектакль Товстоногова — «История лошади», драматический мюзикл по повести Льва Толстого «Холстомер». Толстой — и мюзикл?! История несчастного пегого мерина — и на театральных подмостках? Само известие об этом замысле вызывало недоумение.

Товстоногов не раз доказал: театру подвластно всё, если он талантлив и знает, ради чего говорит. Да, актёры играют коней, жеребят, кобылиц. Не будь в этом потрясающем душу спектакле такой боли, такой бьющей через край требовательной доброты, он мог бы показаться «театром абсурда». Но тогда это не был бы спектакль Товстоногова. О чём он? О вечном: о жизни и смерти. О любви и мертвящем себя-любии, о добре и зле. «„Исто-

рия лошади“», — написала одна из советских газет, — помогает быть человеком».

И здесь, как всегда, Товстоногов находит единственный, точный именно для этой пьесы условный приём, ибо «границы нашего воображения установлены автором, и переход их должен караться как измена и вероломство». И здесь он, как обычно, не читает со сцены нравоучений. Идея в его спектаклях — понятие эмоциональное. Он будит чувство и мысль, заставляя зрителя усвоить главное: как бы ни была сложна жизнь, человек не смеет опуститься до жестокости, равнодушия, предательства. Он — Человек. Всегда разные, спектакли Товстоногова — об этом. Не самая ли современная тема для диалога с людьми?

«В театре нет „я“ — есть только „мы“...»

— Потому что, — продолжает он свою мысль, — театр — искусство коллективное.

Это не мешает ему верить в примат режиссёра.

— Хотя драматургия и является основой спектакля, хоть актёр — его главная фигура, приносящая в зал самый дух сценического произведения, судьба театра зависит от режиссёра. Цементирует спектакль он. Он, режиссёр, отвечает и за то, что пьеса нехороша, и за актёров, играющих фальшиво, и за зрителей, смеющихся в неподходящих местах. От него, режиссёра, зависит, что будут играть актёры и будут ли они играть музыку, а не просто ноты...

Товстоногов собрал первоклассную труппу. Но это не просто созвездие талантов. Это его артисты, единомышленники, одинаково с ним понимающие природу и задачи театрального искус-

ства. Многие из них играли на этой сцене и до его прихода, но почти в каждом он, режиссёр и педагог, открыл новое, неизвестное дотеле и им самим. И оказалось, что один из исполнителей — красавец, «герой-любовник» (он привык к себе в этом качестве), выразительней и ярче в ролях характерных. Герой-любовник обижался и негодовал, но Товстоногов терпеливо объяснял и доказывал Владиславу Стржельчику, ныне народному артисту СССР, свою правоту. Другой считал себя актёром бытовым и решил, что ему попросту нечего будет делать в театре Товстоногова. «Не торопитесь, — услышал он от режиссёра, — если через год ваше мнение не изменится, мы расстанемся». Актёр стал ведущим мастером труппы. Его имя широко известно. Это народный артист СССР Кирилл Лавров.

Сцена «товстоноговского театра» стала центром притяжения многих талантов. Здесь обрел силу и признание трагикомический дар народного артиста СССР Евгения Лебедева. Это про него, исполнителя главной роли Холстомера в «Истории лошади», шведская газета «Свенска Дагбладет» писала: «Посмотри Лебедева, потом плачь». По справедливости нужно было бы перечислить почти всех — так гармоничен, безупречен, так полифонически звучен актёрский «оркестр».

Рядом со сценой, за кулисами, висят портреты драматургов, пьесам которых Большой Драматический театр дал жизнь. Один из авторов оставил на фотографии такую надпись: «Это действительно БОЛЬШОЙ, действительно ДРАМАТИЧЕСКИЙ, действительно ТЕАТР».

Здесь не бывает спектаклей старых и новых. Одни — давно в репертуаре, другие — недавно. Разница только в этом. Но для актёров и тем

более для зрителей каждый вечер — премьеры.

«Театр для меня не кончается никогда...»

Если Товстоногов здоров, не занят и не в отъезде, он вечером непременно едет в театр. Я думаю, ему интересен не столько спектакль («В конце концов привыкаешь...»), сколько зрители. Как они смотрели сегодня? Как слушали? К зрителю здесь не приспособливаются. Его уважают.

Вернувшись за полночь домой, Товстоногов снова будет говорить о театре. Со старшим сыном, если тот окажется в Ленинграде (32-летний Александр стал главным режиссёром русского драматического Театра имени А. С. Грибоедова³ в Тбилиси, где начинал когда-то его отец). С младшим — 30-летним Николаем, редактором телевидения. С мужем сестры, своим многолетним другом и любимым актёром Евгением Лебедевым. Но охотнее всего он выслушает Нателлу, сестру. Как-то я поинтересовалась: почему? В ответ услышала:

— У неё — критерий зрительного зала. Знать его необходимо, потому что — повольте назидательный каламбур? — каждый театр достоин своего зрителя...

Потом — серьёзно:

— Современный зритель — неперенный и обязательный участник не только вечернего представления и утренней репетиции, но и замысла моей будущей постановки.

Ему 64 года. Народный артист СССР, главный режиссёр «товстоноговского» театра, он ставит спектакли и у себя в Ленинграде, и за рубежом. Доктор искусствоведения, профессор⁴, он преподаёт в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии.

— Не устаёте?
— Только от неудач.
— Неужели и у вас бывает?!
— К сожалению.

— Лекарство?
— Работа. Ведь театр — это как подъём на шесте: медленно, но вверх. Стоит опустить руки — и ты окажешься внизу.

И. Князева

МЫСЛИ ОБ ИСКУССТВЕ

Для искусства нет более благородного и высокого предмета, как человек.

В. Г. Белинский

Театр, как всякий большой художник, должен отзываться на благороднейшие течения современной жизни.

В. И. Немирович-Данченко

Искусство должно раскрывать глаза на идеалы, самим народом созданные.

К. С. Станиславский

Подлинное, большое искусство возвышает ум и душу народа.

С. Т. Коненков

В народных массах живёт и сохраняет право на дальнейшую жизнь только то искусство, которое служит интересам народа.

М. А. Шолохов

КОММЕНТАРИИ

1 **Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933)** — советский государственный деятель, один из создателей социалистической культуры, писатель, критик, искусствовед, академик АН СССР

2 **длинный рубль** — лёгкий заработок

3 **Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829)** — русский писатель и дипломат. Наиболее известное произведение Грибоедова — комедия «Горе от ума»

4 **профессор** — высшее учёное звание преподавателя высших учебных заведений